ZEMBERLAND

В те давние годы, когда статус, обозначающий мою самоидентификацию в социуме, еще не был маркирован цитатой «Шофер-мулат, мой верный Майк,/ Придурковат, но симпатичен;/ Мы оба курим «Lucky Strike»,/ Поскольку я демократичен», я пребывала в абсолютной уверенности, что способна: а) адекватно воспринимать и б) получать удовольствие исключительно от элитарного искусства. Одно из наиболее почетных мест в пантеоне моих божеств той эпохи занимал Владимир Владимирович (именно так – с таким же пиететом, который испытывала к этому писателю незабвенная пелевинская А Хули) Набоков. Причем находился он там отнюдь не как автор «Лолиты» (поскольку, со ссылкой все на ту же Лису А, «Лолиту» в наш век читали даже лолиты), а как создатель «Бледного огня». Образ комментария к поэме, которая, вероятно, существует лишь в воображении комментатора, пленил мое сознание...

И вот сейчас, когда мой список книг для обязательного чтения, в основном, совпадает с рейтингами портала «Pro-books.ru» и агентства РБК.Рейтинг, призрак набоковского Zemberland'a неожиданно возник передо мной. Обычно я действую как акын, которого слегка коснулись веяния цивилизации: «сегодня в газете, а завтра в куплете» – то есть «сегодня» пишу о книгах, опубликованных «вчера». Но «сегодня» писать о книге, которая будет опубликована «завтра», мне еще не приходилось. Нужно отметить, что это порождает весьма забавное ощущение: прочитанный мною вариант рукописи, возможно, еще не окончательный, мои любимые широкие читательские круги и не очень любимая отечественная критика еще не отреагировали на сей факт изящной словесности, в дискуссию со мной может вступить только автор, а я, как известно, являюсь приверженцем известной постструктуралистской концепции по поводу этой фигуры. И еще один, не менее забавный, на мой взгляд, штришок: подобно персонажам «Бледного огня» поэту Шейду и его комментатору Кинботу, Ив Штайнерт, автор романа «Мое одиночество начинается в твоих объятьях», о котором пойдет речь в этой статье, и я – преподаватели в одном из провинциальных университетов и почти соседи.

Как и все представители «нарциссического», по определению Михаила Гаспарова, постструктурализма, я отчасти Чарльз Кинбот, правда, к счастью, пока еще не считающий себя земблянским королем. Мне нелегко избежать соблазна сотворить свой Zemberland – страну отражений (что я обычно и делаю) из деталей реальности романа Ива Штайнерта, тем более что автор сам недвусмысленно подталкивает к этому своими рассуждениями об отражениях-повторениях пройденного. Однако по отношению к еще

неопубликованному произведению применение подобной стратегии вряд ли имеет смысл. Я, безусловно, считаю установку на объективность иллюзией, а саму объективность не более, чем фантомом, но почему бы не попытаться создать иллюзию материализации этого фантома? К тому же, если речь уж зашла об отражениях, почему бы не воспользоваться для этого излюбленным приемом Профессора – главного героя книги Ива Штайнерта: в традиции средневековых диспутов дать возможность высказаться по поводу некоторых проблем, связанным с романом, двум антагонистам: *advocatus Dei vs advocatus diaboli*. В роли адвоката Бога, поскольку *Vox populi vox Dei*, у меня выступит любезный моему сердцу среднестатистический читатель (далее – СЧ), в роли адвоката дьявола – профессиональный/продвинутый/просвещенный читатель (далее – ПЧ), который, конечно, слышал о том, что «искусство есть чудовищный и блистательный Ад», и что именно «из мрака этого Ада выводит художник свои образы...»

Сразу оговорюсь, что (исключительно в силу ограниченности объема статьи тремя страницами) предметом «диспута» станут только два момента из разряда заглавных: собственно заглавие романа и его жанровое определение.

Итак, начнем.

СЧ: Какое замечательное название для книги – «Мое одиночество начинается в твоих объятьях». Погуглил – результатов: примерно 216 000! Большею частью – статусы в соцсетях и заголовки фанфиков. Народу нравится!

ПЧ: Претенциозное заглавие. В качестве статуса избирается, как правило, ванильными девицами из тех, у кого на аватарке один из бесчисленных вариантов фотографий себя любимой в куче опавшей листвы либо своего отражения в зеркале, а среди фикрайтеров слабость к данной сентенции питают, в основном, поклонники аниме и манги, которые, как известно, читают немного: их максимальный объем – словесный сегмент комикса. Кстати, еще один довольно крупный «ареал обитания» вынесенной в заглавие фразы – это всяческие своды «мудрых мыслей» от Гомера до Коэльо. И это внушает оптимизм: заглавие, вызывающее у потенциального читателя ощущение припоминания: «где-то я это слышал», вероятно, вполне успешно формирует почву для благосклонного восприятия модуса, заданного автором романа в «соавторстве» с царем Соломоном: «Что было, то и будет, и что творилось, то творится, И нет ничего нового под солнцем».

СЧ: Жанр – философско-эротический роман? Ну, философский – это мы как-нибудь переживем: уж привыкли к тому, что любой роман, написанный на русском языке, хоть отчасти, да философский. «А как же Донцова?» – спрашиваете. Так это же не настоящие романы, это так – для развлечения. А вот эротический... Это, знаете, как-то настораживает. И не зря – первая сцена почти бульварная какая-то.

ПЧ: Зря, конечно, вы квалифицируете сцену *lovemaking*

Профессора и Красавицы как «почти бульварную», а я не зря употребляю англоязычное обозначение. Если бы Ив Штайнерт написал эротический, пусть даже философско-эротический роман, ему нужно было бы присвоить, по меньшей мере, Букеровскую премию. Дело в том, что создание эротического романа на русском языке в принципе невозможно в силу несформированности адекватного культурного языка для достижения этой цели. Борис Акунин, намечая перспективы развития своего проекта «Жанры», в одном из интервью рассуждал о том, как интересно ему будет поработать над дамским романом, над военной книгой, на семейной сагой – в общем, все жанры хороши и привлекательны, но при этом оговаривался: все, кроме эротического романа, который невозможно не то что написать – перевести на русский язык. Любые попытки открыто эротического письма в русской традиции либо захлебываются в омуте эвфемизмов, парафразов, туманных метафор либо приобретают какой-то галантерейный ореол.

Для себя я определяю жанровую специфику романа «Мое одиночество начинается в твоих объятьях» как «гуманитарный» роман. Причем сразу в обоих значениях. Если раньше как-то чаще приходилось сталкиваться с литературоведческими опытами литераторов, то сегодня наблюдается противоположная тенденция: все больше профессиональных литературоведов отважно вербуются в писательскую гвардию. Не думаю, что это объясняется тем, что им не дают покоя лавры Чхартишвили-Акунина. Скорее, здесь срабатывает эффект наложения разнонаправленных векторов: прагматического (кому, как ни литературоведу доподлинно знать «как делать стихи») и семантического (кому, как ни литературоведу доподлинно знать, что вымысел сильнее так называемой истины). А если еще припомнить известный постструктуралистский тезис о том, что к началу второй половины минувшего века именно литература, вне всякого сомнения, оказалась наиболее полной формой знания о мире и человеке – какое уж там литературоведение и прочие философии!

Вся совокупность fiction, которая создается учеными-литературоведами, шире – гуманитариями, демонстрирует общую особенность – на поверхности

текста (или очень близко к ней) лежит мощный материальный пласт благоприобретенных за время дописательской эпохи «книжных» знаний: возникает ощущение, что буквально все единицы «списков использованных источников» из их диссертаций, монографий, статей, написанных и ненаписанных, заговорили разом. В этом смысле мне, в принципе, импонирует прием, использованный в романе Ива Штайнерта: зачем пытаться заглушить (все равно не удастся) эти голоса, когда можно дать им возможность звучать в полную силу. В «Моем одиночестве...» в структурном отношении четко выделяется несколько пластов, пространство одного из которых, полностью отданное под объемные цитаты из Эразма Роттердамского, Мишеля Монтеня, Артура Шопенгауэра, Фридриха

Ницше, Льва Толстого, свободной конструкцией, создающейся из порой банальных, порой намеренно неточных, порой подсвеченных парадоксальной интерпретацией или помещением в неожиданный контекст микро-цитат, соединяется с собственно fiction-пластом, который словно питается ими, вписываясь в образ мира-текста, пресловутого словаря культуры.

Если же говорить о втором значении определения «гуманитарный» по отношению к роману Ива Штайнерта, то не оценить милосердного жеста в адрес прочно «подсаженных на иглу» дайджестов типа «все произведения школьной/ университетской программы в кратком изложении» просто невозможно. Более того, гуманитарный посыл здесь даже сильнее: у подобного типа читателя подспудно формируется убеждение, что великая философия и большая литература – это не страшно и, главное, не так уж и неудобоваримо.

Вероятно, заявленный диспут будет иметь продолжение. Однако в заключение этой статьи я вновь хочу вернуться к роману Владимира Набокова, точнее, к образу, вынесенному в его заглавие. «Бледный огонь» шекспировского «наглого вора луны», который она «крадет у солнца», в пространстве эпохи постмодерн утратил свою бледность. И произошло это вовсе не потому, что солнечный свет стал более тусклым. Просто на небосклоне эпохи собралось слишком много небесных тел, степень яркости каждого из которых зависит лишь от позиции наблюдателя. Этот эффект, по моему, довольно точно передан в романе «Мое одиночество начинается в твоих объятьях», где, по большому счету, банальная любовная история то приобретает значительность и глубину, будучи подсвеченной переплавленными в слова мучительными страстями Толстого и Достоевского, Маяковского и Есенина, то скатывается до уровня пошлого анекдота, попадая в орбиту «житейской мудрости», вроде «женщина похожа на мороженое: сначала холодная, потом становится мягче, а в конце липнет». Человек эпохи Возрождения, которым мне представляется Ив Штайнерт, обживает территорию, по которой прокатилась эпоха постмодерн и где никто, подобно Платону и Грасиану, Монтеню и Ницше, уже не сетует «на то, что философия уходит из дворцов на площади, но и там не только не всегда господствует, но и не вызывает особенного поклонения».